

Алехандро де Альфареро
*Дон Педро, путешествие за океан, или
как можно вдруг ужасно разбогатеть*

С иллюстрациями автора

Алехандро де Альфареро

**Дон Педро, путешествие
за океан, или Как можно
вдруг ужасно разбогатеть.
С иллюстрациями автора**

«Издательские решения»

Алехандро де Альфареро

Дон Педро, путешествие за океан, или Как можно вдруг ужасно разбогатеть. С иллюстрациями автора / Алехандро де Альфареро — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505024-3

Жизнь на земле текла бы и дальше привычным ей образом, если б вдруг не явились инопланетные гости. Кто они и в чем цель их визита? С подарками пришли они или с сюрпризами? Но и небеса не забывают Землю, посылая ангела. Колумб открывает Америку, а инопланетяне открывают Землю — чем окончится этот прогресс? Но все-таки она пока еще вертится.

ISBN 978-5-00-505024-3

© Алехандро де Альфареро
© Издательские решения

Дон Педро, путешествие за океан, или Как можно вдруг ужасно разбогатеть С иллюстрациями автора

Алехандро де Альфареро

© Алехандро де Альфареро, 2019

ISBN 978-5-0050-5024-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О, да! Мир создан невесело:
Скучны и жалки радости его!
Но всё таки есть немало забавного,
Например: Ваш покорный слуга.

М. Горький

1

Про дона Педро много чего рассказывают, да верно уж больше врут. Что он, вроде и зелёный, как огурец, и жёлтый, как банан, да ещё ко всему и красный, как помидор, словно он светофор какой!

А ростом он, будто бы будет никак не выше двух кошек, если, конечно, поставить их одну на другую. А то, пожалуй, и того-то меньше, всего лишь с полторы кошки. Но оказывается таков-то он и был на самом деле. Курточка у него была зелёная, как огурец, штаны жёлтые, как спелый банан, а на голове у него была красная – покрасней помидора шапка. Ростом же он был и правда, точь-в-точь с полторы кошки, можете и сами удостовериться.

И из-за такой-то вот его весьма незначительной величины некоторые очень уж важные из себя дамы и господа, из тех, что считают только одних себя самыми самыми, а других не более, чем так себе, только поухмыливались глядячи на дона Педро.

– Как хорошо, – говорили они, – что мы всё же такие вот важные, а не какая-нибудь там невзрачная мелкота. Ужас как скучно наверное всю жизнь быть какой-то там козявкой-малявкой!

И они дружно пыжились и надувались, как уж только могли, чтобы казаться ещё более значительными, а могли они это очень даже очень, иначе б, пожалуй, никто и не заметил, что они такие важные.

Когда же дон Педро однажды вдруг разбогател, точно Билл Гейтс, то эти важные дамы и господа, страсть как опешили и огорчились. Они просто никак не могли успокоиться от такой вопиющей и жуткой, как они считали, несправедливости.

– Это ж надо, просто кошмар! – возмущались они, – И почему так везёт какой-то там мелюзге? Нет, чтобы и нам чего-нибудь такое подвалило! И куда только смотрит правительство и вообще высшие силы!

И они уже не радовались, не раздувались и не благоухали, как прежде, а только дружно дулись и хмурились.

– Ах, времена нынче совсем уж испортились, – говорили одни. – Всё уже совсем совсем не то, что прежде. Всё стало из рук вон как плохо, прямо уж хуже не надо!

– Да, да, – поддакивали другие, – совершенно верно: всё, всё, всё – просто ужас как скверно и совсем никуда не годно! Сплошные тебе – застой, кризис и разруха!

– Ах, да чепуха это, сударики, что хуже стало! – говорили третьи, – Да и не скверно вовсе. Скверно, что мы-то тоже так же вот не разбогатели, это уж верно что скверно!

А четвёртые совсем ничего не говорили и вообще были мало чем озабочены, оттого, видно, им и было всегда очень даже ничего.

Ну, а дон Педро просто жил себе да поживал и, как говорится, и в ус не дул. Хотя у него, собственно, и усов-то ещё и в помине не было, так что не во что было и дуть. Он был сперва совсем без усов, вроде как рыба или птица. Да только вот в один прекрасный день – трах да бах! ... и усы вдруг пробились мощными стеблями под самым его носом, а случилось это, между прочим, вот как.

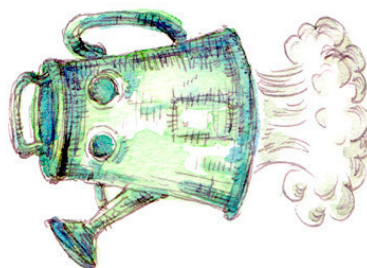
2

Однажды дону Педро приснился удивительно странный и даже до странности удивительный, но вообще-то непонятный и загадочный сон: будто бы он сидит на коне, а у коня отовсюду: где можно и даже нельзя растут усы. Конечно, конь с усами явление невиданное и для науки весьма-таки любопытное, вроде как слон с бородой или медведь с рыбьим хвостом, но только дону Педро это усатое явление совсем не понравилось и он повернулся на другой бок, чтобы его не видеть. Конь после этого, исчез, но зато явились какие-то совсем заморские рыбы в шляпах и полосатых пижамах. Тогда дон Педро снова улёгся на другой бок, но тут опять появился усатый скакун. Дон Педро вновь повернулся к рыбам, потом снова к коню и снова к рыбам, и так и провертелся всю ночь. А потом рыбы вдруг скинули свои полосатые пижамы и оказалось, что это вовсе не рыбы, а какие-то тушканчики. Они попрыгали, попрыгали, как видно для разминки, а после все разом нырнули в пруд, и только шляпы странной флотилией долго ещё качались в зелёных от водорослей волнах. И казалось бы, что сон уже закончился, но тут снова появился усатый конь, хотя он и был, вроде, совсем из другого сна, и стал своими многочисленными усами удить рыбу – только вместо рыбы наловил целых две дюжины шляп. Этим сон на сей раз и завершился, потому что тут дон Педро уже окончательно проснулся. Он почесал

голову и тут и там, но от того ничего в ней, однако, не прояснилось и непонятное не сделалось понятным. Тогда дон Педро полежал, подумал о том да о сём и снова заснул.

А утром, едва только выглянув в окошко, дон Педро заметил парящую высоко в небесах огородную лейку и с той-то поры и пошли тут всякие чудеса.

Конечно, взгляни он в тот момент не туда, куда он взглянул, а куда-нибудь совсем в другое место, то ничего бы, наверно, и не случилось, и прошло бы всё всё мимо никак его не коснувшись. И не о чем тогда было бы и рассказывать. Но дон Педро глянул, как раз, в тот самый момент и, как раз, именно туда. И тогда уж всё вдруг пошло, поехало, закрутилось, завертелось и получилась вся эта вот история.

– Ну и дела же нынче творятся! – удивился дон Педро висящей в небесах лейке, – Это ж надо куда забралась!

И в самом деле это было более чем странно, лейки же обычно не летают, они ведь не птицы. Ну, а эта вот почему-то летела, и не так словно случайно была заброшена в небеса и вот вот свалится вниз, а как уверенный в себе небесный житель, воздушный шар или там дирижабль какой-нибудь, который хоть он и не птица, но в небесах чувствует себя не хуже, чем медуза в волнах.

Дон Педро сперва совсем было не поверил своим глазам, и для проверки закрывал и открывал их, прищуривался и прижмуривался, но напрасно – ничто не становилось ясней, и лейка преспокойненько летела и летела себе куда ей только хотелось. Она была ведь вовсе не плод воображения, вроде коня с усами, а потому с чего бы ей было и исчезать?

Совсем даже напротив, кружа и жужжа не хуже дюжины шмелей – над крутыми горами, зелеными долами да лесами солнечной Испании, где появился на свет и жил с тех пор наш герой, лейка, наконец-то, приземлилась в саду под окошком, то есть прямо под самым носом дона Педро, словно бы для того, чтобы он мог её получше разглядеть.

– Прямо чудеса какие-то индийские творятся! – всё никак не мог взять в толк происходящее дон Педро, – так-то скоро глядишь бочки да ведра, да чайники-кофейники летать вздумают! И что ж это будет если и всякая посуда, да и прочая вещь, что лишь стоит или лежит так-то вдруг запорхает?

И он тут же напредставил себе в уме уйму всякой летающей всячины, коя в привычном обиходе не то что не летает, но даже и не ползает.

Наверно дон Педро и дальше мог бы ещё представлять массу всякого летающего, ему ведь это ровно ничего и не стоило, но тут рожок у лейки, принялся вдруг непомерно вытягиваться, будто стал совсем уж резиновым, а воронка на его конце тоже раздулась каким-то небывало-глобальным грибом – отчего дон Педро так удивился, что и забыл всё, чему прежде удивлялся.

А воронка у лейки всё росла и росла, втягивая в себя всё больше и больше воздуха пока не стала величиной может и с целого кашалота – вольного жителя морей, а дон Педро, видно порастратив весь свой запас удивления, теперь уже и не удивлялся, а даже почти испугался:

– Вот же махина какая! Всё в себя так и тянет, так и тянет, всё равно как верблюд из ведра воду. Этак-то, ведь гляди все леса, поля, дома да и прочее хозяйство совсем в себя захоботит!

Но наконец воронка вытянулась из лейки уже до самых крайних пределов, дальше ей было просто уж никак не вытянуться, и крутясь и вертясь по всем сторонам, так тщательно пронюхала окрестность, что любой пёс мог бы ей, пожалуй, позавидовать.

Впрочем желая видно покрасоваться своей технической сноровкой, она прошла кругом ещё и ещё раз и уже окончательно довольная и собой и результатом своих деяний, издала очень радостную, но однако, мало музыкальную смесь храпа со скрипом, после чего сопя совсем, как свеже продырявленная шина, вдруг съёжилась и вернулась в свое обычное состояние. А дон Педро облегченно вздохнул, убедившись, что ни листочка, ни травинки, ни кустика, ни деревца на сей раз никуда не подевалось.

Ему, однако, пришлось вскоре опять удивиться, потому что в верхней части лейки вдруг появились крохотные окошечки, из которых поглядывали по сторонам острые, блестящие, словно, чёрные смородинки глазки.

Глазки эти, долго и внимательно изучали всё, что было в саду и за садом и вообще кругом – любопытство, как и всякому живому существу, было им, видимо, ничуть не чуждо. А когда они достаточно всё порассмотрели, то под окошечками отворилась совсем неприметная дверка, а из неё спустилась вниз тонкая серебристая лесенка – и едва только лесенка коснулась земли, как по ней шумно сбежала в сад бодрая ватага пёстро разнаряженных мышек.

Странные грызуны эти тут же стали весело прыгать и кувыркаться в траве и дон Педро не мог тут уж снова не удивиться:

– И откуда ж взялись вдруг этикие хвостатые гимнасты? – спросил он себя, потому что кроме себя и спросить тут было вообще-то некого.

Ему и в голову, конечно, не могло бы прийти, что это какие-нибудь там инопланетяне, ведь и в самом даже позднем средневековье, во времена в кои, как раз, и жил дон Педро, об обитателях чужих планет никто ещё и слыхом не слыхивал. В те времена, как-то уж привычно считалось, что на небесах обитают лишь ангелы да летают птицы, бабочки, стрекозы, жуки, мухи, комары да всякая мелкая кусучая мошкара. Или же тёмными ночами, когда и люди и ангелы обычно спят – по небу среди звёзд ширяют ведьмы на колдовских своих метёлках, а каким-нибудь иным существам быть на небесах уж никоим образом не полагалось.

Да и в более поздние времена, когда в небесах всюду залетали самолёты и ракеты; инопланетяне, ведь всё ещё лишь предмет воображения. Не то, чтобы их совсем не было, этого ещё не доказано, но и обратного, что они есть, не доказано тоже. Совсем-то это, конечно, не исключено и где-нибудь, в каких-нибудь отдаленных местах, какие-нибудь разумные существа всё же и обитают. Да и пусть себе, на здоровье, обитают! Но только вот какие они: ушастые, носастые, ходячие, летучие, ползучие, лысенькие или волосатенькие, полосатенькие или в клеточку того и никакая тонкая наука покуда сказать не может.

Что же касается инопланетных гостей, прилетевших на небесной лейке, то они по всем их конфигурациям были просто уж законченные земные мыши. Что это инопланетяне было бы и барану ясно, кто бы ещё мог так летать на лейках? Известно ведь, что на блюдах, тарелках, сковородках, как впрочем и любой другой кухонной утвари, никто кроме инопланетян летать покуда не способен.

Инопланетянам-то этим, видно и нет совсем никакой разницы на чем летать – хоть на самоваре, хоть на гитаре – такие уж они, как видно, разудалые, лихие летуны.

Впрочем, не находило никакого разумного объяснения, пожалуй, то, что гости из отдаленнейших глубин вселенной, являли собой просто уж совершенно точную копию земных грызунов. Невероятно, конечно, но чего уж только не бывает в природе, а тем более в космосе! Конечно, было бы ещё более удивительно, если бы прилетели, например, – макароны, стулья, сапоги или носки – вещи неодушевленные, хотя и такое вполне может случиться.

Космос ведь, как известно, не имеет ни концов ни краев, и сколько там всякого неизвестного ещё обретается, в неведомых-немерянных его пределах, и представить-то себе, пожалуй, что и никакой фантазии не хватит. Ну, а мыши, ведь, как известно, существа весьма неприхотливые и водятся и в кладовках, и в лесу, и в пустынях, и в воде – словом везде. Это ведь не слоны или жирафы, которых и за версту видать, а существа мелкие, пугливые и живут себе скрытно и неприметно в щелках да норках, так, будто их и в природе-то не водится вовсе. А при таких-то их особенностях совсем уж нетрудно устроиться даже и в самых неудобных мирах. Были б там только горки, дырки да норки.

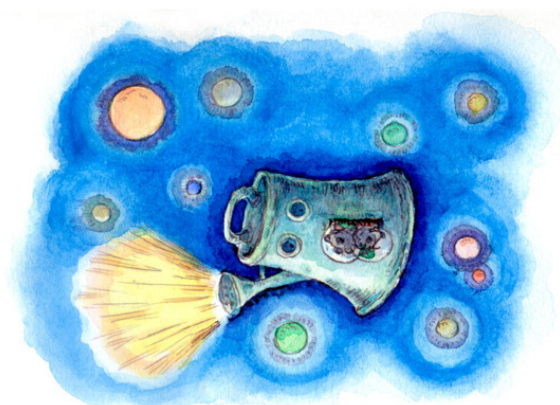
Но даже если и не особенно и внимательно к ним приглядываться, мыши из космоса всё же примечательно отличались от мышей обычных. Инопланетные мыши были от ушей

до хвостов одеты, и более того – просто даже разодеты, в такие пестрые костюмы и платья, словно собрались на бал или карнавал, а то и просто повеселиться. Вроде и мыши, но в то же время – дамы и господа.

Объяснялось же это довольно редкостное явление совсем просто. Нельзя сказать, наверно, с каких таких давних предавних пор, но, видимо, не одну уже сотню сотен лет, «лейка» эта кочевала вдоль и поперек по всем безграничным пространствам вселенной в поисках каких-нибудь более или менее пригодных для поселения планет.

Лейкой этот летательный снаряд казался, конечно, только внешне, а на самом же деле это была самая настоящая космическая ракета, но только совершенно уж похожая на этот садово-огородно поливочный сосуд.

И, право же, не имело никакого значения, что ракета эта, с командой мышей-инопланетян на борту, так же походила на привычную ракету, как холодильник на самолет, что, как видно, нисколько не коробило эстетические и технические вкусы пришельцев, но только при всей невероятности такой её конструкции она могла, тем не менее, превосходно летать.

Непреодолимой проблемой для этих небесных странников был, однако, тот неприятный факт, что все подходящие планеты бывали обычно давным давно уж населены какими-нибудь разумными и даже и неразумными существами: ведь хорошие места, как известно, вообще никогда не пустуют. А на плохих планетах оттого-то, видно, и пусто, что жить там большой охоты и у самых неразвитых существ не возникает.

Хотя если уж говорить по всей правде, то есть нисколько её не украшая, то и на хороших-то планетах пришельцы эти долго задерживаться вовсе не собирались. Ведь любые планеты для них были не более чем пельмени, пироги, шашлыки, торты или прочая вкусная печёная, варёная, жареная или пареная еда и они, не сомневаясь, что делают некое доброе дело, как верно думают и колорадские жуки, кажется, почти уж планомерно пожирали планету за планетой.

И когда от планет почти ничего уж не оставалось, кроме совсем пустого места, или известных чёрных дыр, то перелётные грызуны эти, немного передохнув, спешили дальше – к следующим планетам-обедам. Пожалуй, что и со своей-то собственной, родной планетой они поступили не иначе, после чего и стали вечными странниками.

А вселенная в тех местах, где они побывали, становилась совсем, как шахматное поле без фигур да, собственно, и без самого поля.

И хотя этим истребителям планет было, вроде бы и всё равно чем питаться, они тем не менее предпочитали более благоустроенные планеты. Правда, поиски именно такого рода планет могли бы продолжаться целых две, три, а то и четыре вечности если учесть размеры вселенной, коя, по правде говоря, куда ещё и не измерена. А хороших планет да и просто

сносных, судя по близлежащим галактикам, не такой уж и избыток. Да и кроме того во вселенной водится столько всякого непонятного да неожиданного, вроде параллельных, анти, псевдо, и прочих миров, а то и вовсе уж каких-нибудь искривленных, скрученных, перекрученных, свёрнутых и перевернутых галактик, что, пожалуй, безопаснее было бы разгуливать по джунглям с их зубастым населением – среди колючих растений, ядовитых змей и скорпионов и оснащенным всего лишь, как Адам до грехопадения, чем витать где-нибудь в холодном бескрайнем и безжизненном космосе.

Но верно, инопланетяне были народ не такой уж глупый, потому как догадались однажды не гонять понапрасну ракету-лейку по всему космосу – взад да вперед, как это делают футболисты с мячом, а лучше засылать в неведомые и отдалённые места сперва луч-наблюдатель. И с некоторых пор этот доселе невиданный сверхсекретный луч или супер-шпион, и стал шнырять и день и ночь по всем мирам, словно вор по чужим карманам. Он подобно ищейке вынюхивал, наблюдал и высматривал повсюду: что, где и как устроено, а то и просто сочинял небылицы, как это делают иные исследователи. А для целей такой секретной службы, был он разумеется и невидим и неслышим, да и вообще никак и ничем неощутим: ни сверх-тонкими чувствами ни сверх-современными аппаратами, а то, что же это был бы за наблюдатель, если и его самого можно было бы наблюдать? Понятно, что и поймать такого Джеймса Бонда было также возможно, как ухватить за ухо солнечного зайчика. И когда, луч попадал кому-либо в ухо, горло, нос, да и вообще в какую угодно телесную внутренность: печёнку или селезёнку, то определить там ли он пребывает или уже где-то в другом месте, было также возможно, как поковырять ухом в носу. Ни ученые, ни врачи, ни иные разумнейшие хомо сапиенсы, как бы сильно они ни напрягались и ни умудрялись, ни за что не смогли бы его нигде обнаружить, словно бы он и не существовал вовсе. Потому и неудивительно, что сей бравый, незримый Джеймс Бонд мог без помех проникать везде и всюду, словно, безплотный дух, ведь он был ещё даже и бесплотнее духов и привидений. И как супер-агент вселенной будучи к тому же и самостоятелен и самоуправляем, он совсем уж не желал подчиняться какой-либо власти, летая повсюду совершенно вольной птицей, сквозь все миры и планеты, что и позволяло ему наблюдать всё мироустройство, как изнутри, так и снаружи. Ну, а при надобности луч-агент мог воплощаться и в любые живые формы, от таракана до слона, а на планетах населённых разумными существами, умел так просветлять мозги местных аборигенов, что они тут же начинали полное переустройство мира, возомнив, что создают наконец-то самый настоящий рай. Но заканчивалось это почему-то всегда плачевно.

Конечно, путешествовать само по себе приятно, но вечно куда-то мчаться нигде подолгу не задерживаясь, без выходных и праздников, право, уж и всякому наскучит, даже если ты и совсем самоуправляемый и невидимый луч. Но лучу это дело, видно, ещё не совсем надоело, хотя он и мог бы плюнуть на всё да и смыться бесследно, его ведь всё равно, как будто бы и не было.

Но сила привычки была так велика, что незримый Бонд просто не мог обойтись без этих занятий. И если бы его даже и уволили он бы, наверно, всё равно и дальше посылал сводки своих тайных наблюдений порою даже и в стихах:

Я зрю унылую планету, на ней растений даже нету
Ни рек, ни гор, ни океанов – одни из газов лишь туманы.
Куда летит она – бог весть! Но негде здесь ни лечь ни сесть.

Но и самых предотошных знаний было бы всё равно недостаточно для удачных поселений, ведь не следует и забывать, что всё течёт и изменяется и мир полон всяких неожиданностей и неприятностей. Солнца могут вдруг погаснуть, пройдя все стадии своего развития, планеты – развалиться на куски, от наскочившей на них кометы, и если даже и удастся благополучно добраться до желаемой планеты, то она вполне может быть уже занята более хитрыми и цивилизованными существами. Или же гонимая фривольными ветрами эволюции давно сменила своё местоположение, переместившись в совсем иные пространства.

Всё это, само собой, должен был бы знать и учитывать всякий разумный путешественник по вселенной, ежели он не желает преследовать обманчивые химеры.

Но вот однажды, скользя незримиыми зигзагами по Млечному пути, луч-разведчик совсем того не ведая и не желая, угодил вдруг в Солнечную Систему. Покружив сперва между Венерой и Марсом, и раздумывая какую же планету ему сперва следует обследовать; второпях, ибо всегда, даже и раздумывая, спешил, луч совсем не заметил, как своим широким хвостом (ведь лучей, как и собак, без хвостов просто не бывает) зацепился за Луну. А Луна, не долго раздумывая, ибо таково уж свойство всех планет, они ведь как дети хватают всё до чего только смогут дотянуться, притянула его к себе, точно как и всякий нос или пылесос втягивают летучую мелочь. И поскольку и сам-то луч совсем ничего не весил, а притяжение на этой земной спутнице почти раза в три меньше земного, то он ничуть и не пострадал от вынужденной посадки. Разве только вот, что в клубах поднявшейся при его падении лунной пыли, незримый разведчик потерял всякую ориентировку, по причине чего и угодил прямо в колыхаемую невестку какими уж ветрами полосатую тряпку, что висела на стальном шесте прямо посреди лунного кратера. Похоже, что это была некая специальная ловушка, для таких вот незримых лучей-Бондов и он застрял в ней, словно муха в вареньи. А когда после многих попыток луч всё же ухитрился, наконец, выбраться из пут, то устремился на волю с такой дикой сверхскоростью, что со всего маху внедрившись в Америку, проскочил насквозь весь земной шар и оказался на другой стороне Земли, совсем в самом центре Европы, по странной прихоти случая попав на карнавал в славный карнавалами германский город Кёльн.

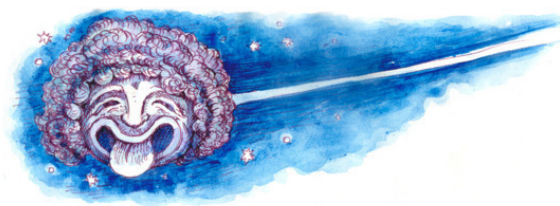
Луч-агент сперва совсем было потерялся в этой пестрой сумятице, среди цветистой массы костюмов всех стран, времен и народов, но повращавшись несколько в этой весёлой, многоголосой, полу-пьяной кутерьме, постепенно настолько освоился и свыкся со всей бурлящей карнавальнoй суматохой, что возвращаться назад на «лейку» ему не особенно-то даже и хотелось.

Хотя ему, и в который уж раз делались настоятельные намеки: пора, мол голубок и вернуться на шесток, но он ни намёков ни приказов не желал и слушать, считая их покушениями на личную свободу. И потому и не торопился, отговариваясь тем, что планета, мол, пока ещё недостаточно хорошо изучена.

Но в таком ярком и пёстром окружении и незримому лучу тоже захотелось вдруг побыть пёстрым. И не долго раздумывая, он тут же и поспешил принарядиться, скрыв под костюмом, хотя вообще-то в этом и не было никакой нужды свою незримую сущность. Он облачился в тёмно-синий бархатный кафтан венецианского купца, приладив сверху ещё и волосатую маску фавна, с до чрезмерных пределов высунутым языком, коему позавидовал бы, верно и Мик Джеггер. В результате такой маскировки поле зрения луча настолько ограничилось, что агент-наблюдатель не мог почти ничего уж и наблюдать и двигался больше вслепую. Он теперь и не летел, а скорее полз на ощупь и хотя и перешёл совсем на черепашую скорость, но тем не менее без конца натёкался на дома, столбы, заборы и деревья, а то и попадал в подвалы, ямы, щели, дыры и норы, где хозяйствовали всевозможные шустрые, мелкие существа. В таких-то тёмных закоулках и повстречался, надо думать, луч-агент с пугливым мышиным народом и мыши почему-то, особенно уж ему полюбились и запомнились, может быть и потому, что были такими же проворными и скрытными как и он сам. Да и огородную лейку узрел он верно в тех же самых укромных местах и потрясенный её округлыми объёмами запечатлел в памяти как летающий объект. А позже находчивый разум главного компьютера перестроил допотопную летающую тарелку в супер-модерновую лейку.

Но как и всякому славному празднику в один прекрасный день наступает конец, так и карнавал порядком отвеселившись, совсем неслышно растворился в потянувшихся за ним буднях. А межпланетный агент-наблюдатель поскучав несколько, в наступившей следом нудноватой обыденности, отправился, наконец, назад.

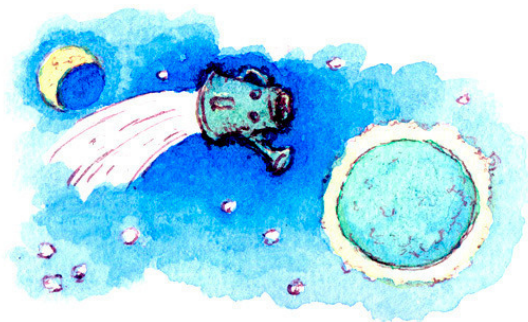

Луч был, правда, всё ещё в совершенно карнавальном развеселом настроении и знай себе порхал меж планет и светил, насвистывая бодрые карнавальные марши. И похоже, что от чрезмерной спешки, ибо порой нарушая все законы физики, секретный агент мчался раза в три-четыре превышая порой и скорость света – вся информация у него совершенно перетряслась, перепуталась и наконец слилась в одну единственную картину, где подпольные существа мыши вдруг неожиданным и престранным образом соединившись с пёстрым карнавалом, превратились просто в фантастических карнавальных мышей. Такую мышье-карнавальную смесь луч-агент и доставил вскоре главному компьютеру и тот почему-то так заразился карнавалом, что совсем позабыв, что он компьютер попробовал петь и плясать и даже выпил стакан чего-то жидкого. Он просто ужасно сожалел, что создан компьютером, а не живым существом и не может как следует повеселиться и вполне насладиться жизнью, ведь он был, хотя бы и внутренне, сотворён совсем по подобию высокоразвитых гуманоидов, а потому и всякое развлечение было ему совсем не чуждо. Вслед за компьютером, очевидно, заполучив от него тот же самый вирус, карнавалом заразился и капитан ракеты-лейки, а за ним уж последовал и весь экипаж.

Конечно, для вечно голодных странников предпочтительнее были бы совсем незаселенные планеты, с ними было бы и меньше мороки и больше проку, но эта карнавальная планета, как-то вдруг так пришлась всем по вкусу, что и думать обо всех возможных трудностях просто не хотелось.

И ракета-лейка не теряя ни секунды взяла прямой курс через млечный путь на солнечную систему – к планете Ялмез, так почему-то инопланетяне именовали Землю, а луч-агент получив месячный отпуск, что равнялось бы по земным меркам почти сотне лет, тут же собрал все свои манатки, которых в сущности у него и не было и упорхнул в теплые края, на Венеру – погреться на солнышке.

Главный компьютер-мудрец тут же взялся за сотворение нового облика инопланетян, дабы они возможно лучше вписались в земные условия. А поскольку из полученной от луча-агента информации и путешественники и компьютер заключили, что на Земле ничего иного кроме карнавалов и не бывает, а за самых разумных земных существ сочли мышей, то следовательно и преобразиться было решено в этаких пёстрых карнавальных маусов. Этому мудрому решению команда корабля тут же и последовала, посчитав, что именно в таком нарядном виде, будет всего проще незаметно подселиться к местным аборигенам и без помех предаться излюбленным занятиям – потреблению и поглощению всех наличных питательных благ планеты. Несколько странным дополнением к нарядам служили, правда, стеклянные шары, словно нимбы увенчивавшие мышинные головы астронавтов, впрочем, они почти ничем не отличались от уличных фонарей, только что не светили. Из этих шлемов пришельцы выглядывали точно рыбы из аквариума, но мыши были как-то уж совершенно убеждены, что именно так и должны выглядеть настоящие земные обитатели. Понятно, что и мышами-то эти инопланетные существа были лишь снаружи, а внутренне они по сути являлись совсем совсем иными, но какими они и сами того как-то уж не помнили. Ведь эти межгалактические странники пребывали в пути почти целую вечность!

А находясь в различных мирах, они всякий раз меняли свое обличье на иное, так что немудрено было со временем и совсем забыть свое собственное. Кроме того в бесконечных странствиях они спали по 200—300 лет кряду, отчего сон и явь у них в конце концов совсем перепутались. Сон стал для них, кажется, даже большей явью, чем и сама явь, что и не удивительно – ведь они чаще спали чем жили. Ну, а с каких пор и по каким причинам начали они свои бесконечные странствования: откуда явились, и куда, и зачем, в конце концов, стремились, тем они как-то совсем и не озадачивались. А поскольку вселенная, как известно, то расширяется, то искривляется, стало быть и путешественники во время пути тоже – то расширялись, то искривлялись. Да и само-то время не стояло на месте и то растягиваясь, то сжимаясь двигалось – то вперед, то назад отчего и космическая лейка постоянно ныряла то в прошлое, то в будущее. Так что, собственно, такие вопросы как: куда, зачем и почему, вряд ли и имели уж тут какой-то смысл. Весь смысл существования свёлся к совсем уж простейшей формуле – лови момент! Вот они и ловили моменты. Мыши-инопланетяне, конечно, ужасно торопились поскорей добраться до облюбованной ими планеты, а то, ведь если не поспешишь, так её ещё возьмут да и займут другие – более расторопные существа. И то ли из-за самой этой спешки, или же из-за того, что компьютер-мудрец порядком ошибся в навигационных расчетах, всего-то ведь, как ни рассчитывай, всё равно не рассчитаешь, а может и из-за того, что курс астролейки по искривленным пространствам оказался слишком уж прям, только в пути случился вдруг изрядный сдвиг во времени, в результате которого время путешествия из дальних космических пространств до Земли сократилось почти на 500 лет! И потому ракета-лейка приземлилась вовсе не в Кельне начала XXI века, как это намечалось по плану, а в Испании конца XV!

И случилось это как раз в те дни, (и бывают же такие совпадения!) когда Колумб, как раз, собирался через океан отправиться на поиски новых земель.

3

Но не только Дон Педро заметил в этот день хвостатых пришельцев. В тот же самый день да и почти в тот же самый час на охоту вышел известный во всей округе бродячий кот, по прозванию Хамелеон. Разгуливая без всякой цели по окрестностям, что, кажется, уже испокон заведено у котом, и раздумывая: где бы ему нынче отзавтракать, а может заодно и отобедать и отужинать, кот тоже заметил и спустившуюся с небес «лейку» и пёструю команду высыпавших из неё мышек. Кот от радости завилял хвостом, узрев такую разодетую в пух и прах и, похоже, заморскую пищу и даже заулыбался всеми частями своей гибкой фигуры от кончиков ушей и до кончика хвоста.

– Что за прекрафный, что за невероятно чудефный день! – едва слышно промяукал он, чтобы не дай Бог не спугнуть мышек. Когда кот сильно радовался, то всегда произносил «ф» вместо «с».

– Это даже очень похвально, уважаемые дамы и гофпода, что вы фами явились к моему фтолу, – и кот прилежно облизал все свои четыре лапы, что свидетельствовало о его весьма прекрасных гигиенических привычках.

Кот Хамелеон, надо сказать, как и все бродячие коты, был чаще всего голоден и вечно был занят тем, что искал, где бы и чего бы ему съесть. А когда бывал сыт, то искал чего-нибудь вкусненького для разнообразия или просто предавался отдыху, как то обычно делает всякий индивидуум животного мира, когда он сыт. А на всякие прочие вещи ему всегда не доставало ни времени ни интереса. Хамелеоном звался он кстати из-за весьма пёстрой окраски своего меха, содержавшего в себе, кажется, все как известные, так и неизвестные в природе цветковые оттенки.

Причиной же столь редкостной окраски, если, конечно, верить рассказам самого кота, было то, что Хамелеон квартируя одно время у дона Эль Греко, известного в ту пору испанского мастера кисти, весьма усердно занимался живописью, разумеется в то время, когда самого мастера не бывало дома. И поскольку искусству кот отдавался не только всей душой, но и всем телом, творя не только кистью и отчасти хвостом, но порой и всей своей кошачьей фигурой, то и становился оттого все пестрее и пестрее.

А на своих картинах кот изображал, не как Эль Греко – суровых испанских дядек с усами, а как голландские мастера – более что-нибудь съестное, он ведь был вечно голодный. Так что мышам он был уж просто ужас как рад.

Но и мыши, были голодны нисколько не меньше кота, ведь любое долгое путешествие развивает аппетит, тем паче если оно дальше да к тому же ещё и космическое. И похоже, что у пришельцев и появился вследствие того, как раз этот самый, космический аппетит.

Впрочем в вопросах кулинарии и культуры питания, то есть что, как, чем и зачем следует есть, привычки инопланетян кажется вовсе не отличались особой строгостью правил и укоренившихся традиций. Им совсем ничего не стоило при помощи электронной магии сотворить деликатесы хоть из чего угодно: камней, дров, мусора, радиоприёмника, телевизора, опилок, старых газет, песка и пыли, метлы, лопаты или фанеры, да впрочем и безразлично из чего – всё могло быть для них пищей. Уж в чём в чём, а в еде они были абсолютно непритворливы. Но в то же время чувство эстетики не позволяло им питаться всякой дрянью, и потому они превращали сперва несъедобные вещи в съедобные, переставляя молекулы и атомы в нужном для вкуса и аппетитного вида порядке, а затем уж приступали к трапезе. Все это делалось ими по какому-то давнему предавнему ритуалу, а по какому им и самим трудно было бы сказать, это было все равно, как плыть рыбе, лететь птице или скакать кузнечнику. Правда, от постоянных перемен и порядок их стал непостоянен, а порой и вовсе не соблюдался и тогда всё происходило совсем уж стихийно.

Во время же путешествий, сколько б долго они ни длились, пришельцы вообще ничего не ели, а только вовсю дрыхли. Иначе, пожалуй, при их-то космических аппетитах они слопали бы не только свою ракету-лейку, но, наверно, и всю вселенную, не оставив ничего кроме зияющих пустот. Только тогда бы уж им, бедным странникам вселенной, совсем негде стало бы путешествовать и уж совсем нечем питаться, пустотой ведь сыт не будешь!

По сей причине и приходилось им больше спать чем есть, но едва лишь пробудившись после очередных приземлений, странники устраивали такую дикую оргию еды, словно бы желая за один присест вернуть всё, что было не съедено за долгие годы снов. Но зато уж насытившись они могли, подобно крокодилу, долго и мирно расслабляться без еды хоть сотни лет.

Дон Педро и кот с удивлением наблюдали, как мыши построившись в ряд, наподобие македонской фаланги, стали торопливо уплетать подряд всё лежащее и стоящее на их пути. Удивительно, что они второпях как-то ещё не поотхватили друг у друга хвосты, но тут, видимо, был какой-то древний природный инстинкт, подобно как у птиц или рыб, которые летая или плавая в стаях никогда не сталкиваются друг с другом.

Между тем «мыши» становились все круглее и круглее, будто их изнутри накачивали насосом. Да и глаза у дона Педро и кота Хамелеона, при виде столь удивительно планомерной жратвы, сделались тоже почти совсем уж круглыми.

Казалось, что инопланетным гостям не было надобности и жевать, потому как атомы и молекулы выпрыгивая из веществ, сами торопились попасть не только в их рот, но и просто фонтаном разлетались по всем их органам. Прозрачные шлемы-шары и одежда, очевидно, этому нисколько не препятствовали.

– Хоть бы они не лопнули, что ли! Вон ведь уж, как раздулись, что твои мыльные пузыри! – не утерпел высказать своё опасение кот Хамелеон, – Кто же станет есть лопнувших-то мышей! – но не мог удержаться и от восхищения, – Ах, какие ж они право кругленькие, сдобненькие, просто любо дорого смотреть! Ну просто уж – вылитые пончики! – и добавил плотоядно облизываясь, – Пряма не знаешь с которого и начать.

А дон Педро, глядя на это, только проворчал: – Если они и дальше будут этак-то лопать, то от всей Испании да и от Европы – поди и скелетов-то не останется!

И в самом деле окружающий пейзаж довольно успешно превращался если и не совсем в пустыню, то уж в совершенно пустое место. Грызуны работали, то есть лопали, просто на совесть, и наверно в самом деле слопали бы не только Испанию и Европу, но наверно и всю планету, когда бы кот Хамелеон и далее сдерживал свои охотничьи инстинкты. Но он не мог их уж более сдерживать и потому совершил головокружительный прыжок, хотя и весьма виртуозный и профессиональный, но совершенно напрасный. «Мыши», правда уже более шары чем мыши, ловко ускользали из под его когтей, то растворяясь в воздухе, то вновь появляясь. Словно облака они плавно проплывали в пространстве и исчезали одна за другой в своей садово-огородной ракете. А с последней мышкой скрылись и серебристая лесенка, и дверка, и окошечки. И тогда уж и сама «лейка», недовольно урча, зачихала нервно вибрируя всей своей блестящей поверхностью, и выпустив желтую вонючую тучку, стремительно стрельнула ввысь и скоро совсем скрылась в облаках.

Когда же жёлтый туман несколько рассеялся, то ясно обозначились некоторые большие и малые перемены. Кот Хамелеон стал еще более пёстрым, а на самой макушке у него вместо собственных ушей появились два изящных кроличьих уха. Дон Педро тоже не избег внезапной эволюции: под носом у него пробились вдруг весьма элегантные усы – метров этак 25 длины, так что трудно было бы сказать чего же тут теперь больше, дон Педро или же усов.

– Эта чёртова радиация хоть кого сделает мутантом! – проворчал кот Хамелеон почесывая свои новые уши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.